

Цифровизация как стратегическая основа ESG-траектории развития здравоохранения

Морозова Ю. А.

Городская клиническая больница № 24 Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Российская Федерация; morozova.u24@yandex.ru
ORCID 0000-0002-0524-6937

РЕФЕРАТ

Цель. В работе рассматриваются подходы к решению одной из основных задач стратегирования социально-экономических систем национального уровня, связанной с необходимостью уточнения приоритетов развития в условиях формирования новых глобальных трендов. **Методы.** Рассмотрена роль здравоохранения в становлении системы устойчивого развития России с точки зрения взаимовлияния с другими направлениями достижения данной траектории. **Результаты.** Показано, что в системе целей устойчивого развития именно развитие здравоохранения в России должно быть приоритетным. Целесообразно активное внедрение в корпоративное и государственное управление принципов ESG, обогащенное включением в них задач повышения (содействия повышению) уровня здоровья сотрудников, клиентов, партнеров, общества в целом. **Выводы.** Комплексность стратегического управления в согласовании ключевых современных приоритетов (экологического, экономического, социального и связанного со здоровьем человека) предлагается достичь за счет активного создания и внедрения цифровых платформ.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, ESG-принципы, Россия, здравоохранение, стратегирование

Для цитирования: Морозова Ю. А. Цифровизация как стратегическая основа ESG-траектории развития здравоохранения // Управленческое консультирование. 2022. № 12. С. 76–86.

Digitalization as a Strategic Basis for the ESG Trajectory of Healthcare Development

Yulia A. Morozova

City Clinical Hospital N 24 of the City Health Department Moscow, Moscow, Russian Federation; morozova.u24@yandex.ru

ABSTRACT

Goal. The paper considers approaches to solving one of the main tasks of strategizing the socio-economic systems on the national level, associated with the need to clarify the strategic development priorities in the context of the formation of new global development trends. **Methods.** The role of health care in the formation of the system of sustainable development in Russia is considered from the point of view of its mutual influence with other areas of achieving this trajectory. **Results.** It is shown that in the system of other sustainable development goals, it is the development of healthcare in Russia that should be a priority. For a comprehensive solution to the problems of sustainable development, it is advisable to actively introduce the principles of ESG into corporate and public administration, enriched by the inclusion of the tasks of improving (promoting improving) the level of health of employees, customers, partners, and society as a whole. **Conclusion.** The emerging difficulty in coordinating key modern priorities (environmental, economic, social and related to human health) is supposed to be solved through the active creation and implementation of digital platforms for strategic management.

Keywords: Sustainable Development Goals, ESG principles, Russia, healthcare, strategizing

Введение

Внедрение принципов устойчивого развития в стратегические документы и практики управления — основной тренд мировой управленческой практики. Вместе с тем целей устойчивого развития много, зачастую они разнонаправленны, а их достижение имеет сильную национальную и региональную специфику. О важности согласования стратегических приоритетов на различных уровнях пишет иностранный член РАН В. Л. Квинт [5], и это — одна из ключевых задач процесса стратегирования больших социально-экономических систем. В качестве конечной цели стратегии должна стоять конкретная, пусть и комплексная, но определяемая всеми направлениями реализации цель. В. Л. Квинт обращает внимание на сформированный трудами отечественных ученых (В. И. Вернадского и др.) концепт ноосферы как ключевое отражение «образа будущего» стратегируемой системы в современных условиях стремления к устойчивому развитию [4].

Однако при управлении движением к сложной, многогранной цели возникает стратегическая задача разумного распределения сил и ресурсов для ее достижения. В условиях стремления к устойчивости развития, далеко не все страны могут обеспечивать поддержку гармонии между социальной сферой, экологией и экономикой в своем развитии, а также в развитии отдельных отраслей. Данная задача представляется сложной. Недостаточно хорошо спланированная попытка выхода развивающейся страны сразу на траекторию устойчивого развития может обернуться социально-экономическими неудачами (показателен пример Шри-Ланки, попытавшейся в 2019 г. выйти на «современный» путь формирования «органического» сельского хозяйства, отказавшись от удобрений [7]).

* * *

Указ о национальных целях развития России до 2030 г. от 21 июля 2020 г. № 474 включает пять основных целей, в первую очередь — сохранение населения, здоровье и благополучие людей. Один из основных целевых показателей национального развития — повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет. При этом другие целевые показатели национального развития взаимосвязаны с ключевым показателем здоровья населения.

На глобальном и национальном уровне отражение такой взаимосвязи социального, экономического, образовательного, технологического, экологического и политического развития находит отражение в единой концепции устойчивого развития, что в очередной раз подтвердилось в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Повестка-2030). Резолюция была принята в 2015 г. всеми членами ООН. Повестка-2030 консолидирует 17 взаимосвязанных Целей устойчивого развития (ЦУР), которые, в свою очередь декомпозируются на 169 задач.

Для России, большой и крайне сложной в управлении страны, имеющей определенные Национальные цели развития до 2030 г., отвечающие принципам устойчивого развития, целесообразен поиск и уточненный путь решения задачи повышения качества жизни. В настоящей работе подходы к ее решению рассматриваются с точки зрения отрасли здравоохранения с учетом ее приоритетности для

нашей страны, что и обозначено в Национальных целях, а также необходимости соотнесения с другими важными направлениями развития.

С точки зрения ЦУР, помимо вопросов обеспечения равновесия человеческой деятельности с природной средой, решения проблем бедности, неравенства, продовольственной безопасности, доступа к энергии, а также обеспечения мира, свободы и безопасности немаловажную роль играет Цель 3 (ЦУР 3 или Глобальная цель 3), касающаяся «Хорошего здоровья и благополучия». Следование ЦУР 3 включает решение 13 задач и контролируются на основании 28 индикаторов. Четырьмя «средствами достижения» целей ЦУР 3 являются: осуществление Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака; поддержка исследований, разработок и всеобщего доступа к недорогостоящим вакцинам и лекарствам; увеличение финансирования здравоохранения и поддержка медицинских кадров в развивающихся странах; совершенствование систем раннего предупреждения о глобальных рисках для здоровья. Среди других показателей в качестве одного из важнейших учитывается и ожидаемая продолжительность жизни.

В целом ЦУР 3 направлена прежде всего на достижение всеобщего охвата услугами здравоохранения, то есть равного доступа к медицинским услугам для всех. В ее рамках предполагается «положить конец» всем предотвратимым и преждевременным смертям, прежде всего, новорожденных, младенцев и детей в возрасте до пяти лет (детская смертность), а также эпидемиям. Вместе с тем необходимо отметить, что в условиях того, что большая часть населения Земли имеет ограниченный доступ даже к самой простой медицинской помощи, ЦУР 3 сосредотачивается на обеспечении базового уровня медицинского обслуживания для широкого круга жителей в основном бедных стран.

ЦУР 3 тесно взаимосвязана с другими Целями, в частности, решением проблем недоедания и голода, образования, насилия вообще и, в частности, его форм по отношению к женщинам, доступа к чистой воде, качественному воздуху, энергии, предотвращения и устранения последствий стихийных бедствий и др. (ЦУР 2, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 13, 16).

В связи с тем, что на национальном уровне стратегическое управление включает выработку мер и верное их соотношение в рамках небольшого числа приоритетов, внедрение ЦУР должно сопровождаться сосредоточением ресурсов и инструментов на тех направлениях, которые могут максимально возможным образом улучшить остальные. В связи с этим, большую роль играют исследования, направленные на изучение взаимосвязи между различными ЦУР [13; 16; 25], а также внедрение элементов Повестки-2030 в национальные стратегии развития [12; 22]. В отечественной литературе в последние годы были опубликованы несколько работ, посвященных вопросам адаптации и реализации глобальных Целей устойчивого развития [3; 8] в том числе в России [1; 10] а также роли бизнеса в достижении ЦУР [2].

* * *

Если рассмотреть соотношение важнейшего для Национальных целей развития ключевого показателя здоровья населения — ожидаемой продолжительности жизни — и уровня достижения разными странами целей устойчивого развития, то получится картина, представленная на рис. 1.

Как видно из рис. 1, интегральный показатель достижения разными странами Целей устойчивого развития прекрасно коррелирует с ОПЖ. Вместе с тем, именно по этому показателю Россия не дотягивает до уровня тренда, иными словами, он является остропроблемным для России (и ряда других расположенных с нею рядом на графике стран). Общего уровня развития страны не хватает для обеспечения

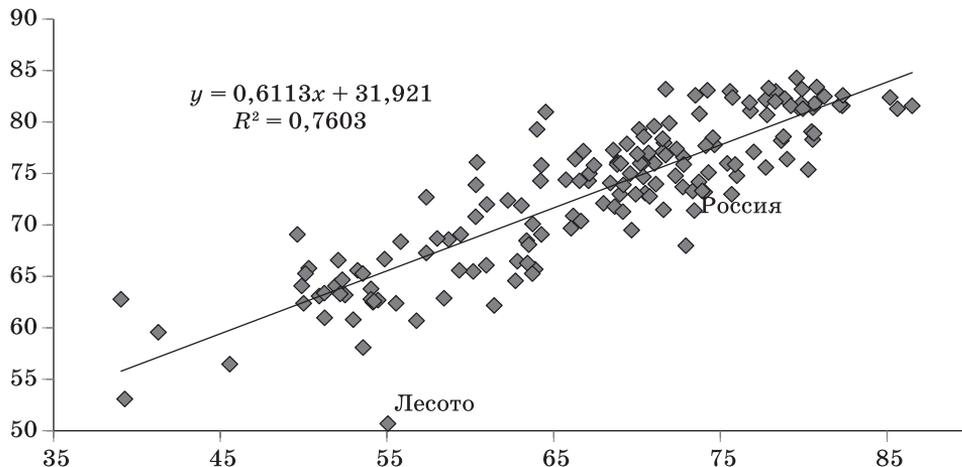

Рис. 1. Интегральный показатель достижения странами — членами ООН 17 ЦУР (100 баллов означают, что все ЦУР были достигнуты) и ожидаемая продолжительность жизни (до пандемии, 2019)

Fig. 1. Integral indicator of 17 SDG achievement by UN member countries (100 points mean that all SDGs were achieved) and life expectancy (before the pandemic, 2019)

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://dashboards.sdgindex.org/rankings> (дата обращения: 20.02.2022).

высокого уровня здоровья населения, что означает целесообразность направления на данный сектор дополнительных ресурсов.

Важнейшей для общего развития, затрагивающей все остальные цели, является ЦУР 9: Создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций. Рассмотрим соотношение уровня инновационности стран и ключевого показателя здоровья нации — ожидаемой продолжительности жизни (рис. 2).

Из данных, представленных на рис. 2, видно, что инновационное развитие и развитие здравоохранения весьма неплохо коррелируют между собой, разброс страновых показателей вокруг линий тренда очень невелик. При этом такие крупные страны, как Россия, Китай и США, находятся ниже линии тренда, имея уровень ОПЖ меньше ожидаемого по сравнению с уровнем их инновационного развития. Относительно небольшие по уровню инновационности, но богатые страны, а также страны, располагающиеся в благоприятных для здоровья природно-климатических условиях, демонстрируют в отношении выявленной закономерности иные результаты, их точки на графике объяснимо выше линии тренда. Таким образом, в целом, внедряя инновации, через повышение оснащенности знаниями, техникой, лекарствами, а также через общее повышение образованности людей, человечество повышает и качество жизни, выражаемое прежде всего через ОПЖ. Основной составляющей современного инновационного развития является цифровизация как процесс создания и внедрения в экономику, социальную сферу и безопасность цифровых технологий.

Вместе с тем инновационное развитие требует энергии и ресурсов. Концепция устойчивого развития закрепилась в последние 50 лет в мировом сознании через понимание не только их ограниченности, но и невозможности бесконтрольного использования, поскольку оно приводит к разрушению биосферы. В рыночных условиях реализация стратегии устойчивого развития невозможна без активного участия бизнеса. В последние 20 лет стратегия ESG (Экологическое, социальное

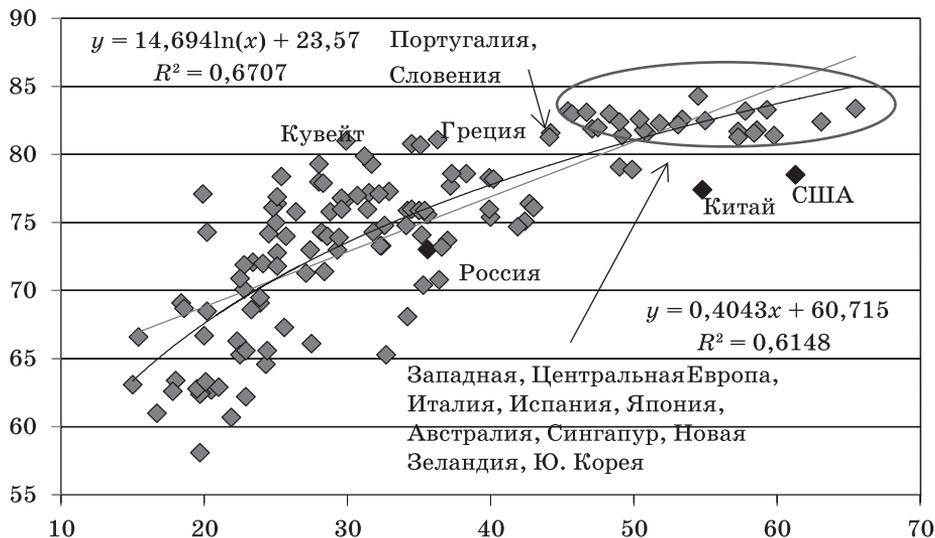

Рис. 2. Глобальный инновационный индекс (ГИИ) 2021 (ед.) и ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) 2019 (лет, по данным ВОЗ).

По оси абсцисс — ГИИ, по оси ординат — ОПЖ

Fig. 2. Global Innovation Index (GII) 2021 (units) and LE (life expectancy) 2019 (years, according to WHO). The x-axis shows GII, the y-axis shows life expectancy

Источник: [15].

и корпоративное управление) пришла на смену концепции корпоративной социальной ответственности (КСО). Значительным этапом в процессе вовлечения частного сектора в решение глобальных задач и реализацию концепции устойчивого развития послужила разработка группой 20 крупных инвесторов из различных стран на основе Глобального договора ООН Принципов ответственного инвестирования (Principle for Responsible Investment; ПРИ) [19].

Принципы ответственного инвестирования ознаменовали экспансию в частную экономическую деятельность ESG-принципы¹, которые все более широко распространяются в частном секторе. Глобальная инициатива по отчетности (GRI) фиксирует, что за 20 лет, с 1993 по 2013 г. доля компаний мира, отчитывающихся в той или иной форме по вопросам устойчивого развития, увеличилась с 12 до 71%. Относительно недавно, в начале 2020 г. BlackRock (компания № 1 мира по объему предоставляемых инвестиций и управляющая 7 трлн долл.) заявила, что экологическая устойчивость становится отныне во главу угла решений об инвестициях [20]. В развитии общей стратегии вовлечения в достижение ЦУР негосударственных игроков, Ассоциация, созданная разработчиками Принципов ответственного инвестирования, опубликовала рекомендации для частного бизнеса по их внедрению [19].

¹ Следует отметить, что эксперты используют различные термины для обозначения корпоративной устойчивости и отчетности в области устойчивого развития. Среди них КСО (корпоративная социальная ответственность), ESG (окружающая среда, социальная ответственность и корпоративное управление), «тройной результат» и «воздействие на общество». Иногда также описывают раскрытие информации об устойчивом развитии как «нефинансовый» отчет. См. [14].

Определенной проблемой реализации принципов корпоративной социальной ответственности (КСО) и ESG, как результата их развития, становится разность понимания тех или иных принципов, которая находит отражение в различиях результатов оценок компаний. Три наиболее известных рейтинга КСО — Newsweek, Forbes и CSR Magazine Global, показали в 2015 г., что только 12% компаний присутствуют во всех трех рейтингах. The Wall Street Journal выявил разницу четырех ведущих ESG-рейтингов, определив, что оценка «устойчивости» инвестора у них существенно отличается или даже получается совершенно различной. Данное обстоятельство не способствует распространению принципов ЦУР в частном секторе. Есть даже устойчивое и довольно распространенное мнение, что КСО и ESG всего лишь способ компаний развитого мира повысить свою конкурентоспособность в условиях постепенного снижения уровня его глобального экономического господства [23]. Вместе с тем имеются и положительные результаты на пути распространения стандартов GRI. В 2017 г. КПМГ выявила, что уже 88% компаний мира так или иначе применяли стандарты Глобальной инициативы по отчетности [24]. 59% компаний Евросоюза применяют стандарты GRI28. Для России, в связи с этим, интересным и перспективным представляется предложение использовать стандарт Международной организации по стандартизации (ИСО), в частности, ISO 14001 «Система экологического менеджмента».

Ежегодная потребность в финансировании глобальных целей ЦУР в области здравоохранения оценивается ВОЗ в 134 млрд долл. в год и предположительно вырастет до 274–371 млрд долл. к 2030 г. В связи с этим возникает проблема повышения привлекательности устойчивых инвестиционных структур в глобальном здравоохранении для основных финансовых рынков.

Вместе с тем, даже у лидеров ESG-подхода далеко не всегда получается совмещать финансовый успех и заботу о сотрудниках и окружающей среде. Анализ ESG-стратегий американских компаний, связанных со здравоохранением, показывает, что в значительной степени реализации таких стратегий приводит к повышению экономических и финансовых рисков [17]. То же относится и к здоровью. При исследовании 11 корпораций в Японии с 2017 по 2019 г. выявлены положительные и отрицательные связи между деятельностью предприятия в области охраны окружающей среды и профессиональным стрессом. Было обнаружено, что действия, которые снижают нагрузку на использование воды во время работы и внедряют чистые технологии, приносят пользу психологическому благополучию сотрудников. Также программа сокращения токсичных выбросов и отходов значительно снизила уровень профессионального стресса сотрудников. Однако было установлено, что специфика корпоративного управления оказывает неблагоприятное влияние на психологическое благополучие сотрудников [18].

В одном из недавних немецких исследований проанализирована реализация экологических, социальных и управленческих критериев (ESG) в инвестициях немецких частных медицинских страховых компаний. В 2019 г. ряду компаний был разослан опрос о стратегиях ESG. В ходе опроса оценивались инвестиционные стратегии и пороговые значения для исключения секторов и методов ведения бизнеса, а также стратегии компаний по устойчивому развитию бизнеса. Согласно их бизнес-отчетам, исследуемые медицинские страховые компании Германии управляют активами на сумму более 350 млрд евро. Выяснилось, что ни одна из этих страховых компаний не исключила производство и продажу ископаемого топлива. Все исключали добычу угля, но только при высоких пороговых значениях. По 226 млрд евро данные не предоставлены. Полученные данные противоречат ожидаемому

внутреннему экономическому интересу страховщиков остановить глобальное потепление и одновременно — улучшить здоровье населения. Управление большинством активов весьма проблематично, особенно нельзя предполагать отсутствие капитала, направленного в области, противоречащие медицинской этике. В исследовании был сделан вывод о том, что отсутствие прозрачности является серьезной проблемой, которая ограничивает клиентов в выборе страховщика, у которого самые передовые критерии ESG [21].

В России идеология ESG расширяет свое применение. Эксперты считают, что критерии ESG-отчетности в РФ требуют унификации и систематизации. В настоящее время не хватает публичной информации о деятельности крупного бизнеса в области ESG, представленной в едином агрегированном цифровом виде, не существует единого цифрового решения, чтобы сопоставлять компании из различных рейтингов между собой. Между тем, такая информация будет востребована бизнесом, государством, инвесторами, а также общественными организациями. Было бы уместно уже сегодня задуматься о том, как использовать возможности цифровизации, чтобы создать инструмент (платформу), позволяющий с помощью больших данных ответить на вопрос «кто есть кто», сопоставить себя с другими компаниями, а также получить автоматизированные рекомендации по дальнейшему развитию. Нефинансовую отчетность в том или ином виде по итогам прошлого года опубликовали более 50% российских компаний. Рейтинговое агентство «Эксперт РА» свидетельствует о том, что компании хотят отчитываться, хотят быть открытыми, но представляют отчеты по-своему. Каждая компания берет за основу тот стандарт, который считает наиболее релевантным [11]. При этом эксперты отмечают, что в большинстве случаев ESG-агентства присваивают рейтинги без запроса со стороны компании, а только лишь на основании публично доступной информации [6].

Соответствие международным стандартам важно для продвижения российских организаций здравоохранения (в том числе, в плане развития медицинского туризма). В 2020 г. Клинико-диагностический центр МЕДСИ на Красной Пресне получил международную аккредитацию по стандартам JCI, а затем сфокусировался на внедрении стандартов ESG, являющихся продолжением практик KCO. В 2022 г. должна быть доработана ESG-стратегия, включающая подготовку первого публичного нефинансового отчета. Реализация принципов ESG заключается для компании прежде всего в участии в охране окружающей среды, включая «управление воздействием на окружающую среду, эффективное потребление ресурсов, утилизацию медицинских отходов, сдачу и переработку отработанного медицинского и хозяйственного оборудования, сокращение объемов использования бумаги: внедрение СЭД, электронных медицинских карт и др., а также международную сертификацию ISO 45001-2018 (менеджмент в сфере охраны здоровья и безопасности труда) [9]. Отметим, что данное упоминание является на сегодня практически единственным случаем декларации следования ESG-принципам в российской организации здравоохранения.

Вхождение принципов ESG (в их современном виде) в государственное и корпоративное управление в России происходило буквально в последние несколько лет, оно практически совсем не затрагивает программы развития в сфере здравоохранения. Москва является лидером и локомотивом развития российского здравоохранения, вместе с тем, в программе в Постановлении Правительства Москвы от 04.10.2011 № 461-ПП (ред. от 30.03.2021) «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Развитие здравоохранения города Москвы (Столичное здравоохранение)» в отношении устойчивого развития можно встретить только небольшой раздел о необходимости налаживания взаимодействия граждан и города в плане мониторинга экологической ситуации.

Заключение

Обобщая, можно сказать, что практически все направления трех составляющих ESG не напрямую, но косвенно связаны со здоровьем сотрудников, клиентов, партнеров и общества в целом. Между тем, как следует из вышеприведенных рассуждений, устойчивое развитие обесмысливается без непрерывного и неуклонного «отвоевывания» у природы лишних здоровых или по крайней мере активных лет человеческой жизни. Если в социальную часть стратегии напрямую включить повышение качества жизни клиентов, партнеров, сотрудников, общества в целом все медицинские организации становятся лидерами процесса. Вместе с тем, соблюдение принципов ESG организациями здравоохранения понятно — экономия во всем, соблюдение экологических норм, социальное управление, эффективность управления корпорацией в целом при максимизации результата в виде конкретного эффекта для пациентов.

Такая задача в современных экономических системах решается на основе разработки, внедрения и применения современных цифровых платформ. Цифровые платформы ESG (а точнее, с учетом наших предложений ESG-H) — управления — основа для управления организациями и системой здравоохранения в будущем. Целесообразно постулировать необходимость формирования системы ESG-цифровых платформ для цифрового управления организациями различных сфер, в том числе, здравоохранения, и закрепления данного направления в системе отраслевых стратегий.

С другой стороны, критерии влияния на здоровья людей (сотрудников, клиентов, партнеров, общества в целом) могут быть включены в ESG-опросники любых компаний, и здесь должны учитываться и факторы экологического следа деятельности компании, и факторы непосредственной заботы о здоровье, в том числе, психологическом. Пандемия в России показала, что здоровье значительной части населения России встретило ее подорванным стрессом, плохим питанием, экологией, употреблением вредных веществ. Учтя указанные пагубные факторы, можно обогатить и ESG идеологию для участия бизнеса и государства в устойчивом развитии, а также принести конкретную пользу развитию здравоохранения. Управление такой сложной системой данных невозможно без применения современных цифровых технологий. Более того, цифровизация расширяет возможности локализации ЦУР. Однако глобальный потенциал цифрового сектора в устойчивом развитии еще далек от полной реализации.

Литература

1. *Бобылев С. Н., Соловьева С. В.* Цели устойчивого развития для будущего России // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 26–33.
2. *Дунаев О. И., Нагорнов В. А.* Гармонизация практики корпоративной социальной ответственности для достижения целей устойчивого развития // Государственно-частное партнерство. 2017. Т. 4. № 2. С. 93–102.
3. *Игнатов А. А., Михневич С. В., Попова И. М., Сафонкина Е. А., Сахаров А. Г., Шелепов А. В.* Подходы ведущих стран-доноров к внедрению ЦУР в национальные стратегии устойчивого развития // Вестник международных организаций. 2018. Т. 14. № 1. С. 164–188.
4. *Квинт В. Л.* Идея ноосферы Вернадского и закономерности, предопределяющие формирование глобального ноосферного миропорядка XXI в. // Управленческое консультирование. 2013. № 5. С. 13–19.
5. *Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимуратов М. К.* Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 11. С. 900–909.
6. *Кондратенко М.* ESG-принципы: что это такое и зачем компаниям их соблюдать // РБК-тренды, 14.10.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (дата обращения: 01.06.2022).

7. Лакстыгал И., Ужов Ф. Дефолт Шри-Ланки может вызвать цепную реакцию на развивающихся рынках. Страна объясняет его крахом туризма, инфляцией и событиями на Украине // Ведомости. 2022. 12 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/04/12/917829-defolt-shri-lanki> (дата обращения: 01.06.2022).
8. Ланьшина Т. А., Баринаева В. А., Логинова А. Д., Лавровский Е. П., Понедельник И. В. Опыт локализации и внедрения Целей устойчивого развития в странах — лидерах в данной сфере // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 207–224.
9. МЕДСИ. Устойчивое развитие медицинской организации: международные стандарты качества и принципы ESG. 14.12.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://medsi.ru/about/press-centr/news/ustoychivoe-razvitie-meditsinskoj-organizatsii-mezhdunarodnye-standarty-kachestva-i-printsipy-esg/> (дата обращения: 01.06.2022).
10. Сахаров А. Г., Колмар О. И. Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 189–206.
11. Эксперты считают, что критерии ESG-отчетности в РФ требуют унификации и систематизации // ТАСС. 1.06.2022 [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/14796233?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 01.06.2022)
12. Bickler G., Morton S., Menne B. Health and sustainable development: an analysis of 20 European voluntary national reviews // Public Health. 2020. Vol. 180. P. 180–184. DOI: 10.1016/j.puhe.2019.10.020.
13. Biggeri M., Clark D. A., Ferrannini A., Mauro V. Tracking the SDGs in an 'integrated' manner: A proposal for a new index to capture synergies and trade-offs between and within goals // World Development. 2019. Vol. 122. P. 628–647. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.05.022.
14. Fisch J. E. Making Sustainability Disclosure Sustainable // Georgetown Law Journal. 2019. Vol. 107. P. 931–932.
15. Global Innovation Index 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/Home> (дата обращения: 1.06.2022).
16. Le Blanc D. Towards Integration at Last? The Sustainable Development Goals as a Network of Targets // Sustainable Development. 2015. Vol. 23. N 3. P. 176–187. DOI: 10.1002/sd.1582.
17. Payne B. C., Bredthauer J. S. Revisiting the Performance of Firms Recognized for Creating a Healthy Culture // Journal of Occupational and Environmental Medicine. 2022. Vol. 64, No 2. P. E411–E521. DOI: 10.1097/JOM.0000000000002434.
18. Piao X., Xie J., Managi S. Environmental, social, and corporate governance activities with employee psychological well-being improvement// BMC Public Health. 2022. Vol. 22. N 1. Paper number: 22. DOI: 10.1186/s12889-021-12350-y.
19. PRI. What are the Principles for Responsible Investment? Официальный сайт Ассоциации ПРИ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unpri.org/pri/what-are-the-principles-for-responsible-investment> (дата обращения: 1.06.2022)
20. Scanlan M. K. Climate Risk is Investment Risk // Journal of Environmental Law and Litigation. 2021. Vol. 36. N 4. P. 20–22.
21. Schneider F., Gogolewska J., Ahrend K.-M., Hohendorf G., Schneider G., Busse R., Schulz M. Do private German health insurers invest their capital reserves of €353 billion according to environmental, social and governance criteria? // Journal of Medical Ethics. 2021. Vol. 47. N 12. P. E481. DOI: 10.1136/medethics-2020-106381.
22. Sebestyen V., Domokos E., Abonyi J. Focal points for sustainable development strategies — Text mining-based comparative analysis of voluntary national reviews // Journal of Environmental Management. 2020. Vol. 263. P. 110414. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2020.110414>.
23. Sjöfjell B., Richardson B. J. Company Law and Sustainability: Legal Barriers and Opportunities. Cambridge University Press, 2015. P. 24–25.
24. The road ahead. The KPMG Survey of Corporate Responsibility Reporting 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2017/10/kpmg-survey-of-corporate-responsibility-reporting-2017.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).
25. Zhou X., Moynuddin M. Sustainable Development Goals Interlinkages and Network Analysis: A practical tool for SDG integration and policy coherence // IGES Research Report. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iges.or.jp/en/pub/sustainable-development-goals-interlinkages/en> (дата обращения: 1.06.2022).

Об авторе:

Морозова Юлия Александровна, заместитель главного врача по экономическим вопросам
Городской клинической больницы № 24 Департамента здравоохранения города Москвы

References

1. Bobylev S.N., Solovieva S.V. Goals of sustainable development for the future of Russia // Problems of Forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2017. N 3. P. 26–33 (In Rus).
2. Dunaev O.I., Nagornov V.A. Harmonization of the practice of corporate social responsibility to achieve the goals of sustainable development // Public-private partnership [Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo]. 2017. V. 4. N 2. P. 93–102 (In Rus).
3. Ignatov A.A., Mikhnevich S.V., Popova I.M., Safonkina E.A., Sakharov A.G., Shelepov A.V. Approaches of leading donor countries to the implementation of the SDGs in national strategies for sustainable development // Bulletin of International Organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2018. Vol. 14. N 1. P. 164–188 (In Rus).
4. Kvint V.L. Vernadsky's idea of the noosphere and the regularities that determine the formation of the global noospheric world order of the 21st century. // Management consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 5. P. 13–19. (In Rus).
5. Kvint V.L., Novikova I.V., Alimuradov M.K. Consistency of global and national interests with regional strategic priorities // Economics and Management [Jekonomika i upravlenie]. 2021. Vol. 27. N 11. P. 900–909 (In Rus).
6. Kondratenko M. ESG principles: what are they and why do companies comply with them // RBC Trends, 10.14.2021 [Electronic source]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (accessed: 01.06.2022) (In Rus).
7. Lakstygai I., Uzhov F. The default of Sri Lanka can cause a chain reaction in emerging markets. The country explains it by the collapse of tourism, inflation and events in Ukraine // Vedomosti. 2022. April 12 [Electronic source]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/04/12/917829-defolt-shri-lanki> (accessed: 01.06.2022) (In Rus).
8. Lanshina T.A., Barinova V.A., Loginova A.D., Lavrovsky E.P., Monday I.V. Experience of localization and implementation of the Sustainable Development Goals in the leading countries in this area // Bulletin of International Organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2019. V. 14. N 1. P. 207–224 (In Rus).
9. MEDSI. Sustainable development of a medical organization: international quality standards and ESG principles. 12.14.2021 [Electronic source]. URL: <https://medsi.ru/about/press-centr/news/ustoychivoe-razvitie-meditsinskoy-organizatsii-mezhdunarodnye-standardty-kachestva-i-print-sipy-esg/> (accessed: 01.06.2022) (In Rus).
10. Sakharov A.G., Kolmar O.I. Prospects for the implementation of the UN Sustainable Development Goals in Russia // Bulletin of International Organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2019. Vol. 14. N 1. P. 189–206 (In Rus).
11. Experts believe that the criteria for ESG reporting in the Russian Federation require unification and systematization // TASS. 1.06.2022 [Electronic source]. URL: https://tass.ru/ekonomika/14796233?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed: 06.01.2022) (In Rus).
12. Bickler G., Morton S., Menne B. Health and sustainable development: an analysis of 20 European voluntary national reviews // Public Health. 2020 Vol. 180. P. 180–184. DOI: 10.1016/j.puhe.2019.10.020.
13. Biggeri M., Clark D.A., Ferrannini A., Mauro V. Tracking the SDGs in an 'integrated' manner: A proposal for a new index to capture synergies and trade-offs between and within goals // World Development. 2019. Vol. 122. P. 628–647. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.05.022.
14. Fisch J.E. Making Sustainability Disclosure Sustainable // Georgetown Law Journal. 2019 Vol. 107. P. 931–932.
15. Global Innovation Index 2021 [Electronic source]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/Home> (accessed: 01.06.2022).
16. Le Blanc D. Towards Integration at Last? The Sustainable Development Goals as a Network of Targets // Sustainable Development. 2015. Vol. 23. N 3. P. 176–187. DOI: 10.1002/sd.1582.
17. Payne B.C., Bredthauer J.S. Revisiting the Performance of Firms Recognized for Creating a Healthy Culture // Journal of Occupational and Environmental Medicine. 2022. Vol. 64. N 2. P. E411–E521. DOI: 10.1097/JOM.0000000000002434.
18. Piao X., Xie J., Managi S. Environmental, social, and corporate governance activities with employee psychological well-being improvement// BMC Public Health. 2022 Vol. 22. N 1. Paper number: 22. DOI: 10.1186/s12889-021-12350-y.

19. P. R. I. What are the Principles for Responsible Investment? Official site of the PRI Association [Electronic source]. URL: <https://www.unpri.org/pri/what-are-the-principles-for-responsible-investment> (accessed: 01.06.2022).
20. Scanlan M. K. Climate Risk is Investment Risk // Journal of Environmental Law and Litigation. 2021 Vol. 36. N 4. P. 20–22.
21. Schneider F., Gogolewska J., Ahrend K.-M., Hohendorf G., Schneider G., Busse R., Schulz M. Do private German health insurers invest their capital reserves of €353 billion according to environmental, social and governance criteria? // Journal of Medical Ethics. 2021. Vol. 47. N 12. P. E481. DOI: 10.1136/medethics-2020-106381.
22. Sebestyen V., Domokos E., Abonyi J. Focal points for sustainable development strategies — Text mining-based comparative analysis of voluntary national reviews // Journal of Environmental Management. 2020 Vol. 263. P. 110414. DOI: 10.1016/j.jenvman.2020.110414.
23. Sjøfjell B., Richardson B. J. Company Law and Sustainability: Legal Barriers and Opportunities. Cambridge University Press, 2015.
24. The road ahead. The KPMG Survey of Corporate Responsibility Reporting 2017 [Electronic source]. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2017/10/kpmg-survey-of-corporate-responsibility-reporting-2017.pdf> (accessed: 01.06.2022)
25. Zhou X., Moinuddin M. Sustainable Development Goals Interlinkages and Network Analysis: A practical tool for SDG integration and policy coherence // IGES Research Report. 2017 [Electronic source]. URL: <https://www.iges.or.jp/en/pub/sustainable-development-goals-interlinkages/en> (accessed: 01.06.2022).

About the author:

Yulia A. Morozova, Deputy Chief Physician for Economic Affairs City Clinical Hospital N 24 of the City Health Department Moscow (Moscow, Russian Federation), Candidate of Economic Sciences; morozova.u24@yandex.ru; ORCID 0000-0002-0524-6937